

щаться друг с другом. Аналогично и людям одинакового духовного уровня психологически легче (нет внутреннего напряжения) общаться друг с другом. Это справедливо во все времена и при любом общественном строе. Например, критик всегда будет социальным оппонентом для генератора идей.

Литература

1. Социология. Наука об обществе : Учебное пособие. – Харьков, 1996.
2. Букалов А.В., Бойко А.Г. Соционика: тайна человеческих отношений и биоэнергетика. – К., 1992.
3. Тихонов А.П. Теория психологических типов К.Г.Юнга и ее дальнейшее развитие // Соционика, психология и межличностные отношения: человек, коллектив, общество. – М., 2002. – Июнь. – С. 2–10.
4. Филатова Е. Соционика для вас. Наука общения, понимания и согласия. – Новосибирск, 1994.
5. Лебедев Б.К. Исторические формы социальных типов личности (социально-философский аспект). – Казань, 1976.
6. Андреева Г.М. Социальная психология : Учебник для вузов. – М., 1966.
7. Ситкарев Г.Т. Учитывая возможности каждого // Коммунист Украины. – К., 1987. – № 8. – С. 64–68.
8. Ситкарев Г.Т. Основы социальной типологии людей // Психология и соционика межличностных отношений. – К., 2003. – № 2. – С. 47–54.
9. Рюриков Ю.Б. Мед и яд любви. – М., 1989.
10. Крегер О., Тьюсон Дж.М. Типы людей и бизнес. – М., 1995.

Светлана Владимировна РОМАНЕНКО,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии Института социальных наук
Одесского национального университета
им. И.И.Мечникова

К вопросу об индикаторах процесса трансформации гендера

Понимание процесса трансформации гендера невозможно вне изучения трансформации сексуальных норм и сексуальных отклонений. Сексуальные нормы обозначали границу между природным и социальным аспектами человеческого существования, являлись оборонительной линией против постоянно присутствующего природного давления на цивилизованного человека и обеспечивали адекватный метод обороны, состоящий в интерпретации и превращении природного в социально приемлемые факторы существования [1, с. 9].

В ходе интерпретации пола как социального явления изменялись представления о границе между природным и общественным, а также представления о сексуальных нормах и сексуальных отклонениях. В этом смысле сексуальные нормы и их изменения могут выступать в качестве индикаторов процесса трансформации гендера. Другими словами, трансформация гендера – это и есть трансформация сексуальных норм и наоборот.

Понятие сексуальной нормы является ключевым для гендерных исследований и гендерной социологии. Несмотря на популярность гендерной проблематики в современной социологической литературе, анализу сексуальных норм и сексуальных отклонений не уделяется должного внимания. Авторы фиксируют скорее социальные последствия произошедших изменений, нежели их причины и суть. Цель данной статьи – попытаться связать трансформацию представлений о сексуальных нормах и сексуальных отклонениях с важными проблемами, изучаемыми современной гендерной социологией.

В *пост-секс-революционную* эпоху понятие сексуальной нормы стало достаточно неопределенным и неоднозначным. Словосочетание сексуальное извращение также утратило свой первоначальный смысл. Нет нормы – нет извращения. Угрозы Крафта-Эббинга никому не страшны. Доказано, что гомосексуалистов лечить не нужно, тем более, что бесполезно, а зоофилия – не более, чем любовь к животным... Что же произошло с сексуальными нормами, что нового внесла идеология постмодерна в рассмотрение извечного противостояния «желания» и «запрета», нормы и отклонения? Попытка ответить на эти вопросы и объяснить сложившуюся ситуацию с точки зрения противопоставления модерн–постмодерн составляют задачу данной статьи.

Одна из характеристик эпохи модерн – массовость любых процессов: массовое производство, массовое потребление, массовая культура, массовые нормы, в том числе и сексуальные. Социология, в частности социологический метод, как порождение модерн также ориентирована на изучение массовых процессов. До сих пор бытует представление о сексуальной норме как о свойстве большинства. Отклонения в какую-либо сторону рассматриваются как извращения.

Постмодерн, напротив, утверждает индивидуальность во всем, в том числе и в сексуальности. *Индивидуализация сексуальных норм* – одна из характерных черт общества постмодерна, сексуальная ориентация и предпочтение из политической проблемы постепенно становятся делом личного вкуса. В частности, нормализация гомосексуальности есть социальное признание индивидуально-групповых особенностей, не укладывающихся в модель репродуктивной сексуальности и полового диморфизма. Цель такого подхода: раз не удастся изменить стиль сексуальной жизни индивида, нужно помочь добиться максимально возможного благополучия в рамках его собственной индивидуальности и, тем самым, уменьшить связанные с этим специфические трудности и риски.

При этом процесс индивидуализации сексуальных норм становится безграничным, *символизируется* и приобретает характер ритуала. Индивидуальность, особенность сексуальных предпочтений, непохожесть, неповторимость симулируется, превращается в автономное образование, скрывающее подлинную сексуальную направленность (либо ее отсутствие) и, в сущности, не имеющее никакой связи с реальной сексуальностью субъекта. В терминологии Ж.Бодрийяра [2, с. 311], индивидуальные сексуальные особенности становятся *симулякром*. Достаточно вспомнить звезд шоу-бизнеса: симуляция гомосексуальности, например, помогает проложить путь к славе и популярности. Процесс индивидуализации сексуальных норм оборачивается эксплуатацией идеи оригинальности, торговлей имиджем, превращается в самостоятельную технологию и отрасль экономики. Симуляция, обращение с образом, а не с вещью, позволяет поработить сексуальные девиации, заставить их приносить доход вполне легальным способом.

В эпоху модерна изучение сексуального поведения и сексуальных норм строилось вокруг института семьи и брака. Этот институт служил легитимации различных проявлений сексуальности, превращая взаимоотношения индивидов в систему универсальных ролей нуклеарной семьи: «муж–жена», «родители–дети». Комплекс универсальных, определенных, безличных норм, связанных с этим социальным институтом, решал проблемы обладания личной жизнью, удовлетворения сексуальных потребностей, обеспечивал воспроизведение и усвоение стандартов гендерного поведения. Альтернативные сексуальные ориентации могли существовать лишь *вне* этого института.

Постмодернистские эклектичность и плюрализм появились в противовес модернистской упорядоченности. Множественность сексуальных норм и форм сексуальной жизни, узаконенная в общественном мнении новым витком сексуальной революции и идеями феминизма, внесла существенные коррективы в институт семьи и брака. Семейные ценности дифференцируются, на первый план выходят показатели качества жизни и индивидуального благополучия. Современное партнерство и брак тяготеет к тому, чтобы быть самооценными отношениями, основанными на психологической интимности, независимо от способа их оформления и сексуальных предпочтений партнеров.

Множественность сексуальных норм обеспечивает множественность типов воспроизводства семейных отношений. Получили распространение новые формы семьи: неполная, гомосексуальная, пробная и др., которые являются, с одной стороны, симуляцией института семьи, семейных ценностей и приобретают условно-игровой характер, а с другой – институционализацией состояния множественности сексуальных норм. Подтверждением этой идеи могут служить следующие наблюдения. Любовь и брак эпохи постмодерна все реже определяются реальными потребностями (материальными, физиологическими и т.д.) и все чаще становятся производной от образов сексуальности и семьи, созданных (придуманных) индивидами или заимствованных

из средств массовой коммуникации. Сейчас большая часть брачных союзов заключается после устоявшегося партнерства. Неполные семьи, гомосексуальные семьи, рост числа детей, родившихся вне брака [3], также свидетельствуют о симуляции семейных норм. Родительство становится образом, в котором идея семьи преобладает над реальными отношениями.

Серийная моногамия также является иллюстрацией этого двустороннего процесса. С одной стороны, это отрицание идеи пожизненного брачного союза и замещение реальных ролей «муж–жена», «родители–дети» временными образами. С другой – это противоречит радикальным идеям об отмирании института семьи и свидетельствует о качественно новом его состоянии. Новые семейные формы – это не продукт распада старой системы. Это *стабильные формы симуляции нуклеарной семьи* эпохи модерна с ее репродуктивными функциями, функциями легитимации секса и сексуальных особенностей, а также первичной социализации детей. В новой семье образ, идея семьи преобладают над реальными отношениями: мужчина может исполнять роль заботливой жены и матери, партнерша-садистка – роль мужа и главы семьи. Именно это делает такой союз устойчивым образованием, где каждый играет роли, избранные им самим, а не навязанные извне.

Хотя моральное регулирование нового семейного института не исчезает, функции общества трансформируются от производства и введения новых ограничений к соблюдению прав на безопасность и качество жизни всех членов такой семьи. Главным критерием общественной оценки и главной нормой становится добровольность и взаимное согласие партнеров, причем требовательность общества в этом отношении заметно повышается. Сексуальные девиации перестают быть клеймом, причиной одиночества и помогают людям с нестандартной сексуальной направленностью не быть изгоями и вести полноценную жизнь.

Итак, человек эпохи постмодерна, переживший эмансипацию сексуальности от репродуктивности и изменения гендерного порядка, осознает условность сексуальных норм, их множественность и управляемость, возможность манипулирования ими. Он симулирует не только исполнение этих норм, но также и исполнение отклонений. Обращение с сексуальными нормами и отклонениями приобретает символичный, ритуальный характер. Такковы координаты вектора трансформации сексуальных норм, а также трансформации гендера.

Литература

1. *Ионин Л.Г.* Генитальная конституция модерна // Постмодерн: новая магическая эпоха 2. Трансформация гендера. – Харьков, 2003.
2. *Ильин И.П.* Постмодернизм: словарь терминов. – М., 2001.
3. *Кон И.С.* Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. – М., 1998.